

В. Д. Жукоцкий, д-р фил. наук, проф. ;

З. Р. Жукоцкая , проф., д-р культурологии
(БИП–Институт правоведения, г. Могилев)

ГУМАНИЗМ И ГУМАННОСТЬ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Один из афоризмов Цицерона гласит: «Человек часто сам себе злейший враг». Если философ прав и главным врагом для человека часто выступает сам человек, то что, собственно, можно этому противопоставить? Может быть, гуманизм это и есть то средство, которое призвано защитить человека от самого себя, от собственной злобы и агрессивности, от той массы нечеловеческого, которую он волей судеб вынужден нести в себе как индивид и как род? Если это и так, то здесь все упирается в оценочное суждение: что удовлетворяет критерию человеческого, а что нет? Каковы параметры человеческого блага? И, может быть, все современные атаки на «гуманизм» происходят из соображений высшей гуманности, которые еще не доступны наличным формам мировоззрения и культуры, называющим себя гуманистическими?

Гуманность, как естественное состояние человека, **гуманизм**, как его устремленность к высшему. *Едва ли можно разобраться в хитросплетениях новейших столь противоречивых отношений к гуманизму, не обратившись к сложной диалектике самого этого понятия. Прежде всего, что представляют собой первичные дефиниции гуманизма и гуманности?*

Гуманность характеризует естественное состояние человека, незамутненное какими-либо природными или социальными патологиями, его онтологическое целомудрие, его данность, его естественную любовь к себе подобному, к своей человеческой природе, как она проявляется в нем самом и в других. Хотя уже на этой стадии порой возникают сложности в отделении нормы от патологии, а у людей не склонных доверять гуманизму возникает соблазн именно патологию человека выдавать за его норму. И тогда гуманность предстает не проявлением человеческой природы, а, напротив, слабостью и отклонением от нее, каким-то искусственным окультуриванием или столь же искусственной «христианизацией» человеческого естества, каким-то навязанным морализаторством. За норму же принимается человек агрессивный и эгоистический, склонный к пороку, а его животное начало выдают за подлинного человека. Консервативная идеология при всей своей многоликости – от христианской догматики до антихристианского нищестанства – именно так традиционно выстраивает свою

критику гуманизма, возрожденческого или просвещенческого.

Гуманизм, таким образом, по определению либо защищает данную от природы гуманность, либо достраивает ее с помощью подручных средств – религии, философии, искусства, науки, морали – культуры в широком смысле слова. Вот почему гуманизм – это всегда устремленность к чему-то большему, чем человеческая данность, которая сама по себе слишком хрупка и непрочна, а может быть и несовершенна, чтобы ее можно было оставить в неприкосновенности. В этом смысле для гуманизма человек в его данности – это еще только предпосылка подлинного человека или человека защищенного, ставшего, состоявшегося, это *мост* к сверхчеловеку. (Эта формула Ф.Ницше достаточно универсальна, поскольку выражает идею *нового человека* или просто идею *становления* человека, имеющую множество вариаций в истории философии.)

Гуманность и гуманизм соотносятся как предпосылка и результат, как дитя и его сторож. Гуманизм защищает человека от самого человека, как он представлен в природе, обществе или в другом человеке. *Гуманизм – это воин, готовый сокрушить все нечеловеческое в человеке и вокруг него.*

Самое удивительное, что в этом своем страстном порыве воина гуманизм порой забывает о том, что он собственно защищает, о своей гуманности. Более того, он начинает противопоставлять себя ей, возвышаться над ней. Он действует по принципу: «все ценное ношу с собой», что значит: гуманность, которая не поспевает за мной, не достойна моей защиты. Он начинает ненавидеть гуманность в двух ее качествах: своей природной предпосылки (целомудренной простоте естества – если она пассивна и пребывает в нарциссической самоуспокоенности) и своих окостеневших форм, как они представлены во всех предметностях мира, куда входят не только внешняя природа, но и государство, социум и даже культура, включая культуру языковых форм. (В той мере, в которой ему приходится выбирать между этими двумя качествами гуманности, он однозначно выбирает первое.)

Такой гуманизм настолько увлечен своей активностью, самим фактом своей устремленности к большему, что все человеческое начинает представляться ему как «слишком человеческое», как простое удобство для одного-единственного сверхчеловеческого существа. Таков пафос ницшеанского гуманизма, для которого применим бернштейнианский лозунг «цель – ничто, движение – все». При всех крайностях этой позиции ей удается вычленить главное в гуманистическом дискурсе – принципиальную энергетическую неуспокоенность человека, его недовольство собой, его устремленность к высшему, которое он сам и продуцирует.

Здесь срабатывает фундаментальный принцип экзистенциально-го мировидения, согласно которого в человеке важна не данность его предпосылок, а *заданность* его устремлений к большему. Воля к становлению. Как сказано у философа: «твоя сущность лежит не глубоко скрытой в тебе, а неизмеримо высоко над тобой или по крайней мере над тем, что ты обычно принимаешь за свое я» [1, с.10].

Тем самым задается диалектика малого и большого человеческого *Я*, диалектика индивидного и личностного. Пафос борьбы с порабощающей человека внешней социальностью находит свое оправдание в утверждении личности как *внутренней* социальности. А она достигает своей полноты лишь в моменте единства со своей внешней социальностью, т.е. на стадии *действительной* сущности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ницше, Ф. Странник и его тень // Ф. Ницше. М.: REFL-book, 1994.

УДК 1:316

О. О. Гордийчук, канд. филос. наук, докторант
(ЖДУ им. Ивана Франка, г. Житомир)

МЕНТАЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Социально-философский анализ актуальных проблем современного общества требует тщательного и содержательного исследования феномена ментальности как важного фактора, влияющего на общественные процессы на всех уровнях функционирования социальной системы. Ментальность в современной социально-гуманитарной парадигме рассматривается как сущностная характеристика социума. Благодаря изучению и осмыслению специфических черт и основных характеристик ментальности социальных групп и этноса в целом становится возможным эффективным процесс развития и модернизация общества и государства в целом. Ментальные особенности отражают мировоззренческие позиции человека, определенные грани его идентичности, ценностные ориентиры, модели поведения в различных жизненных ситуациях.

В условиях глобализации человечество оказалось перед сложными и довольно разнообразными противоречиями, всемирными проблемами, связанными с решением экономических, политических и духовных запросов и общественных задач. Именно поэтому, небезосновательным является обращение к природе ментальности общества как действенного средства прогнозирования социально-экономического разви-